

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. Бабаков

Саратовская государственная юридическая академия

Поступила в редакцию 13 апреля 2016 г.

Аннотация: *в рамках анализа традиционной трактовки логической структуры нормы права, на примере характеристики механизма гражданско-правовой защиты государства, показана возможность и иного ее рассмотрения, позволяющая показать взаимосвязь субъективного права и юридической обязанности.*

Ключевые слова: *правоотношение, норма права, субъективные права, юридические обязанности, механизм гражданско-правовой защиты государства.*

Abstract: *in the analysis of the conventional understanding of the logical structure of the rule of law, for example, characteristics of the mechanism of civil legal protection of the state, and the possibility of another consideration, which can show the relationship of subjective rights and legal obligations.*

Key words: *relationship, rule of law, subjective rights, legal obligations, a mechanism of civil legal protection of the state.*

Ряд ученых-экономистов, характеризуя состояние современной экономики России и существования в ней специфических институтов в таких общественных формах, где «частный интерес рассогласуется с общими целями и социально-продуктивной деятельностью», указывает на присутствие «статусно-административной ренты», имеющей объективно-субъективную природу, в том числе и такое значимое условие распространения непродуктивного (неэффективного) рентоориентированного поведения, как «провалы государства»¹. Советник Президента РФ С. Ю. Глазьев констатирует, что подавляющая часть денег, выделенных Центральным банком России на рефинансирование коммерческих банков в связи с «обвалом» рубля в 2014 г., устремилась в валютно-финансовые спекуляции. В экономике сформировался при этом гигантский центр сверхприбыли – Московская биржа. Она пропустила через себя в 2014 г. около 4 триллионов долларов, что более чем вдвое превышает ВВП России. «Очень странно, что наши денежные власти даже не поставили вопрос об ответственности должностных лиц»².

¹ См.: Федорова Ю. В. Развитие концепции общественных благ в условиях рентоориентированного поведения субъектов экономики // Становление и перспективы развития наноиндустрии в ноосферной экономике : институциональный аспект : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20–22 ноября 2009 г.). Саратов, 2009. С. 23.

² Глазьев С. Ю. Интервью изданию «Газета.Ру». 2015. Авг. / Сайт издания «Газета.Ру». URL: www.gazeta.ru

Отсюда логично усматривается следующий вывод, как и вытекающие из него следствия. Декларируемые законом установления, не отражающие жизненных реалий и не отвечающие практике или проводимые в интересах одного класса, лишь подрывают авторитет права и государства в глазах (гражданского) общества. Теоретически и практически несостоятельными оказываются модели и реальные правовые конструкции, нарушающие баланс частноправовых и публичных интересов, индивида и общества, важнейшими формами организации которого являются государственные институты³.

В. М. Сырых в своей фундаментальной работе отмечает, что существование гражданского общества как субъекта ни у кого не вызывает сомнения, когда нужно противопоставить государству население, раскрыть специфические черты правового государства, назвать источник народо-властия, однако когда речь заходит о конкретных правах общества как субъекта правоотношений, вдруг он (субъект) оказывается аморфным, непонятным и испаряющимся. «Симптоматично, что и российский законодатель не видит гражданского общества в числе субъектов гражданского права»⁴.

На эффективность регулирования социально-экономических отношений влияет множество факторов различной природы, одним из которых является качество нормативно-правовой, законодательной базы. Низкий уровень ответственности, характерный для современного состояния различных структур и звеньев госаппарата и муниципальных органов, в немалой степени обусловлен аморфностью, пробельностью, а также фактическим отсутствием конкретного нормативного закрепления правил поведения субъектов правового регулирования в юридической норме и его соответствующей правовой оценки.

Среди ученых-правоведов нет однозначно детерминированных оценок относительно устойчивости элементов логической структуры правовой нормы, которая по характеру регуляции конкретного правоотношения, находящей выражение в нормах законодательных и иных правовых актов, именуется в литературе регулятивной или охранительной.

Обращает на себя внимание, как при этом трактуется содержание нормы: развернуто (гипотеза – диспозиция – санкция), усеченно (гипотеза – диспозиция, гипотеза – санкция, диспозиция – санкция) или узко (один структурный элемент)⁵. Примечательно и то, что в оценках содер-

³ См.: Яковлев В. Ф. Гражданский кодекс и государство // Материалы науч.-практ. конф. «Новый гражданский кодекс РФ : проблемы теории и практики» (13–14 марта 1997 г.). М., 1997 ; Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 20 ; и др.

⁴ Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 3 т. М., 2007. Т. 3 : Современное правопонимание. С. 346.

⁵ Можно указать на целый спектр мнений, высказанных представителями разных отраслей права. Например, критикуют с различных позиций однозвенную структуру нормы права О. Э. Лейста А. М. Васильев и П. С. Тоболкин ; отстаивают неоднородную двухзвенную структуру А. Ф. Черданцев и А. П. Козлов ; за конструктивно-конвенциональный подход высказывается Л. Б. Зусь, отмечая, что важно учитывать поставленную исследователем задачу, идет ли речь о на-

жания гипотезы и диспозиции нормы допускается также значительная вариативность, когда признается, что структурные элементы нормы права могут содержать и одни субъективные права, и одни юридические обязанности, и одни юридические факты или иные требуемые условия, или и то и другое вместе, а также являть своего рода бессубъектный состав и безадресность, не имеющие четко выраженных признаков, отвечающих структурированному понятию правовой нормы⁶.

По этой причине правильной представляется точка зрения П. Ф. Елисейкина, согласно которой констатация факта тождества нормы и ее диспозиции не дает правильного представления о правовом регулировании как целостном механизме, в котором все его элементы находятся в постоянном движении, развитии, а следовательно, в диалектических взаимодействиях. Поэтому важна конкретика трансформации правового предписания в диспозицию, гипотезу, санкцию⁷.

Н. М. Коркунов отмечает: «Субъективное право (правомочие) – это возможность осуществления интереса (здесь наша акцентация не на факторе «интереса», а на связи субъективного права и юридической обязанности. – В. Б.), обусловленная соответствующей юридической обязанностью»⁸.

учном познании структуры внутренней формы права, о выяснении логики государственно-властного веления, заключенного в любой и каждой правовой норме, или стоит задача, уяснить те элементы структуры конкретной нормы, которые реализуются в практической правоприменительной деятельности субъектов права (см.: *Лейст О. Э.* Санкции в советском праве. М., 1962. С. 21 ; *Васильев А. М.* Рецензия на книгу: *Лейст О. Э.* Санкции в советском праве // Сов. государство и право. 1963. № 5. С. 165 ; *Тоболкин П. С.* О структуре уголовно-правовой нормы // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Свердловск, 1974. С. 19 ; *Черданцев А. Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1 ; *Козлов А. П.* Механизм построения уголовно-правовых санкций. Красноярск, 1998. С. 16–17 ; *Зусь Л. Б.* О познании структуры уголовно-правовой нормы // Правоведение. 1998. № 2).

⁶ Так, В. К. Бабаев, исходя из верных по существу посылов, что «правоотношение всегда конкретно, а его субъекты всегда индивидуализированы» и что в любом правоотношении субъекты «связаны между собой... взаимными правами и обязанностями», едва ли обоснованно ставит под сомнение целесообразность конструирования так называемых абсолютных правоотношений с якобы неопределенными сторонами(-ой), так и соответствующими правами и обязанностями (см.: *Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева.* М., 1999. С. 416–417). Небезосновательна и аргументация, которую высказывает Л. Б. Зусь, критикуя тезис С. С. Алексеева. На первый взгляд, пишет он, анализируя статьи УПК РФ, излагающие принципы процесса, его задачи, дефиниции, общие условия производства в отдельных стадиях, «может показаться, что они не содержат признаков... нормы, так как не устанавливают конкретные правила поведения субъектов процесса. Но такой вывод был бы неверен» (*Зусь Л. Б.* Указ. соч.).

⁷ См.: *Елисейкин П. Ф.* Процессуальная норма и ее диспозиция // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. С. 51.

⁸ *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 151.

Г. Ф. Шершеневич говорит о субъективном гражданском праве как отражении обязанностей, возложенных на других лиц⁹. По С. С. Алексею, решающая конститутивная черта правоотношения состоит в том, что оно выражает особую общественную связь между субъектами, связь через их права и обязанности¹⁰, а «право требования с корреспондирующей ему юридической обязанностью образует стержень всякого правоотношения»¹¹. У А. В. Мицкевича «без всякой обязанности право немислимо, нереально» и как мера поведения «всегда обеспечивается мерой должного поведения других лиц, т.е. их обязанностями»¹².

В гражданском праве основными формами воздействия на поведение участников правоотношений, как отмечает В. П. Грибанов, являются предписания, находящие свое выражение в гражданско-правовых обязанностях, и дозволения, выражающиеся прежде всего в субъективных гражданских правах. При этом «юридическая обязанность в советском гражданском праве есть прежде всего одна из важнейших правовых гарантий реального осуществления субъективных гражданских прав»¹³.

Укажем также на позицию Р. О. Халфиной, которая, рассматривая правоотношение, отмечает, что отсутствие связи в правовой форме чревато тем, что при наличии субъективного права невозможно использовать специфические средства права для реализации и охраны интересов субъектов соответствующих отношений, предъявить требование об исполнении обязанности¹⁴, а иное означает выхолащивание смысла правового регулирования.

Следует принимать во внимание определенную условность отраслевого деления в праве, что сопряжено с бесконечными спорами по поводу отраслевой принадлежности тех или иных норм законодательства и очевидностью того, что без материального права «охранительное правоотношение» вырождается в фикцию.

Отсылки к нормам разного рода, которые можно встретить в литературе (нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-цели, нормы компетенционные, нормы-задания и др.), – это в строгом смысле лишь определенные, имеющие прагматическое значение, слепки законодательной материи, в том числе и несущие регулятивный потенциал. В целом в рамках рассматриваемого вопроса нами разделяется точка зрения Е. В. Васьяковского,

⁹ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. 3. С. 606–607.

¹⁰ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. С. 330, 332, 343 и др.

¹¹ Там же. С. 360.

¹² Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1966. С. 297.

¹³ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 55. Он же уточняет при этом, что необходимо иметь в виду, что юридические обязанности в гражданском праве не только устанавливаются конкретными нормами права, но и вытекают из общих принципов советского гражданского права, а во многих случаях также из санкционированных правом индивидуальных волевых актов (административных, административно-плановых актов, договоров, односторонних сделок), что, заметим, не меняет принципиальной сущности рассматриваемого вопроса.

¹⁴ См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 36.

утверждавшего, что в строгом смысле таковые нормы «не обладают самостоятельным значением»¹⁵, и позиция А. Ф. Черданцева, отмечающего, что с изъятием из системы права всех законодательных дефинитивных норм суть и содержание правового регулирования не изменятся, лишь усилив «роль и значение официального и неофициального толкования права»¹⁶.

Показательно в связи с этим суждение Дж. Локка о предоставлении институтам власти так называемых прерогатив, или дискреций, которые не могут быть ничем иным, как дозволением, которое народ дает своим правителям, – поступать в некоторых случаях по собственному усмотрению (в том числе когда закон молчит), а иногда и действовать в противоречие букве закона ради «гражданского блага»¹⁷.

Именно по этой причине и не только в глобальной проекции на общие или конституционные правоотношения теоретически взвешенной и отвечающей реалиям представляется оценка американского правоведа Л. Фуллера, когда он пишет, что «поддержание существования правовой системы зависит от исполнения взаимосвязанных обязанностей – обязанностей правительства по отношению к гражданину и обязанностей гражданина по отношению к правительству»¹⁸.

Логика развития любых, в том числе гражданско-правовых, отношений с участием государства, ведет к тому, что «победа государства над самим собой» не просто «относится... к области необходимого»¹⁹, а становится областью необходимого.

Таким образом, логически непротиворечивая норма права, отвечаю-

¹⁵ *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 113. Еще конкретнее у В. Ю. Туранина: законодательная дефиниция «может быть частью нормы права, ее базовым элементом, но не самой правовой нормой» (*Туранин В. Ю.* Юридическая терминология в российском законодательстве. Белгород, 2009. С. 70).

¹⁶ *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 72. Заслуживает также внимания высказывание: «Норма – это императивное или предписывающее высказывание нормативного порядка или системы и являющееся для данной системы обязательным» (*Dictionnaire encyclopedique de theorie et de sociologie du droit. 2 eme ed. Paris: LGDJ, 1993. P. 399*).

¹⁷ *Локк Д.* Два трактата о государственном правлении / пер. с англ. О. Терех, Р. Димерецъ. Киев, 2001. С. 219. И. Бентам вынужден корректировать принцип пользы или общего блага всего общества, который «весьма редко оспаривается», тем, что тот не находит адекватного метода «моральной арифметики, при помощи которой можно было бы прийти к однообразным результатам» (*Бентам И.* Принципы законодательства // *Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция.* М., 1997. Т. 1. С. 556.). И это при том, что «воля народа должна быть основой власти правительства» (ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека).

¹⁸ *Фуллер Л.* Мораль права : пер. с англ. М., 2007. С. 256.

¹⁹ *Платон.* Полн. собр. соч. М., 2013. С. 1039. Развивая свою мысль, Платон утверждает: «Там, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства» (Там же. С. 1095). Свообразно, но телеологически емко выражен подобный тезис председателем КНР Си Цзиньпином: «Запереть власть в клетку систем» («Посадить власть в клетку институтов») (см.: *Тавровский Ю. В.* Си Цзиньпин : по ступеням китайской мечты. М., 2015. С. 115).

щая в практике правореализации позитивному результату (положительному эффекту, согласующемуся с требованием реального осуществления субъективного права де-юре и де-факто) при разработке законодательства, может и должна конструироваться только в системной связи с существующим нормативно-правовым полем, учитывая соразмерность социальных целей и юридических средств их достижения, с учетом беспробельности связи материально-правовых и процессуальных норм, возможностей разностороннего ресурсного обеспечения и рядом иных факторов²⁰. Иное, как свидетельствует практика, приводит не только к противоречивости толкования отдельных положений и норм, в том числе правоприменителем, но и снижению императивности права в правосознании и культуре правоотношений субъектов права, снижению их ответственности за свои действия.

²⁰ По сути, о том же ведет речь и Е. В. Вавилин, характеризуя механизм осуществления гражданских прав в широком смысле (см.: *Вавилин Е. В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012. С. 112 и др.).

Саратовская государственная юридическая академия

Бабаков В. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права
E-mail: vladbabakov@yandex.ru
Тел.: 8-962-622-34-02

Saratov State Law Academy
Babakov V. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Civil and International Private Law Department
E-mail: vladbabakov@yandex.ru
Tel.: 8-962-622-34-02